

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ / SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 323.3

DOI: 10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932

Научная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи

И. С. Шаповалова

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
(г. Белгород, Российская Федерация),
shapovalova@bsu.edu.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена современной трансформацией института государственной молодежной политики, изменением ее функций, необходимостью рефлексии результатов уходящих форм управления и работы с молодежью.

Цель статьи – на основе проведенного исследования оценить удовлетворенность молодежи организацией основных мероприятий поддержки всех ее жизненных стратегий со стороны органов управления в сфере государственной молодежной политики.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили результаты опроса молодежи в возрасте от 16 до 30 лет, проведенного в Белгородской области в 2020–2021 гг. На основе разработанного инструментария, в том числе с использованием онлайн-форм, были опрошены 866 респондентов; учащаяся и работающая молодежь интервьюировалась посредством уличного опроса. Унифицированность диагностики по каждой жизненной стратегии позволила получить сравнительную матрицу оценки по всем направлениям государственной молодежной политики.

Результаты исследования. Региональной российской молодежи дана рефлексивная оценка ключевых проблемных моментов в реализации направлений государственной молодежной политики и поддержки молодежи, показана заинтересованность и потенциал приобщения к мероприятиям и проектам, связанным с молодежной проблематикой. Построена карта удовлетворенности молодежи мероприятиями, предлагаемыми органами управления в сфере государственной молодежной политики.

Обсуждение и заключение. Оценка удовлетворенности молодежи той ситуацией, которая существует сегодня в сфере управления государственной молодежной политикой, находится на низком уровне, что позволяет говорить о недостаточной эффективности предлагаемых мер и ставить вопрос о предложении новых форматов

© Шаповалова И. С., 2021

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

и стратегий развития работы с молодежью. Материалы исследования могут быть востребованы органами управления государственной молодежной политикой, органами государственного и муниципального управления, молодежными организациями, образовательными учреждениями. Полученные данные в методическом и демонстрационном плане могут быть научным приращением для отраслевой социологии (социологии молодежи).

Ключевые слова: молодежь, направление государственной молодежной политики, молодежные проблемы, региональные проблемы, социальные стратегии, эффективность государственной молодежной политики

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31728 «Политическое мышление молодежи в российском пространстве политического выбора и самоидентификации».

Для цитирования: Шаповалова И. С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. 2021. Т. 29, № 4. С. 902–932. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932>

Original article

Problems of Implementation of the State Youth Policy in the Reflection of Regional Youth

I. S. Shapovalova

*Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)
shapovalova@bsu.edu.ru*

Abstract

Introduction. The relevance of the research is due to the modern transformation of the institute of state youth policy, the change in its functions, and the need to reflect on the results of outgoing forms of administration and work with youth. Based on the conducted research, the article assesses the satisfaction of young people with the organization of the main measures to support all of their life strategies implemented by the governing bodies in the field of state youth policy.

Materials and Methods. The results of a survey of young people aged 16 to 30, conducted in the Belgorod Region in 2020-2021, were used as the research materials. Based on the developed tools, including using online forms, 866 respondents were interviewed; students and working youth were interviewed through a street survey. The uniformity of diagnostics for each life strategy made it possible to obtain a comparative evaluation matrix in all areas of the state youth policy.

Results. Regional Russian youth have given a reflexive assessment of the key problematic points in the implementation of the state youth policy and youth support; their interest in and the potential of involvement in activities and projects related to youth issues have been revealed. A map of youth satisfaction with the activities proposed by the governing bodies in the field of the state youth policy has been drawn.

Discussion and Conclusion. The youth satisfaction with the situation that exists today in the field of state youth policy management is assessed as quite low, which makes it possible to conclude that the proposed measures are insufficiently effective and to raise the question

of proposing new formats and strategies for developing work with youth. The research materials may be in demand by state youth policy administration bodies, state and municipal government bodies, youth organizations, and educational institutions. The data obtained can be a scientific increment for sectoral sociology (sociology of youth) in the methodological and demonstrative terms.

Keywords: youth, direction of the state youth policy, youth problems, regional problems, social strategies, effectiveness of the state youth policy

The author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The study was conducted with financial support from the Russian Foundation for Basic Research and the Social Research Expert Institute (EISI) as part of the scientific project No. 21-011-31728 “Political Thinking of Youth in the Russian Space of Political Choice and Self-Identification”.

For citation: Shapovalova I.S. Problems of Implementation of the State Youth Policy in the Reflection of Regional Youth. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2021; 29(4):902-932. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.117.029.202104.902-932>

Введение. Тема государственной молодежной политики в условиях последних реалий, связанных с высокой социальной турбулентностью, вызванной как внутренними и внешними политическими факторами, так и цивилизационным фактором пандемии, все чаще возникает в качестве приоритетной повестки и обсуждения заинтересованного сообщества (административные работники, политики, ученые, лидеры общественного мнения). Выполнение важнейших функций формирования молодежной среды, создание условий социализации и обеспечение национально-востребованных социализационных результатов соответствующими структурами управления в сфере государственной молодежной политики (ГМП) (на всех уровнях) ставятся под сомнение – возможность и реальность выполнения всех этих задач в современных условиях (в том числе и институциональных). Нет надобности дословно цитировать экспертов (разной степени доверия), озвучивших вердикт: молодежь мы потеряли, государственная молодежная политика показала свою несостоятельность, проиграв, сдавшись под напором обстоятельств, упразднив сама себя новым законом.

Сложно противостоять такой оценке, комплексному итогу восприятия ситуации, но, по нашему мнению, для ее преломления есть необходимость вернуться к вопросу об оценке эффективности реализации молодежной политики самой молодежью и рассмотреть ее основные направления и мероприятия, которые включены в планы и программы всех регионов Российской Федерации. Несмотря на законотворческие казусы, стоит увидеть тот проблемный периметр, те проблемные направления, где могут поджидать неприятные «сюрпризы», формирующие общий фон неудовлетворенности ситуаций у российской молодежи, ее социальное настроение и перспективы раскрытия социальных потенциалов.

Цель статьи – на основе проведенного исследования выявить рефлексивную оценку молодежи системы государственной молодежной политики, провести сравнительный анализ удовлетворенности и информированности об основных мероприятиях поддержки жизненных стратегий и жизненного выбора молодых людей.

Обзор литературы. Взгляды на государственную молодежную политику и проблемы в ее исследовании и оценке несколько различаются у западных и отечественных ученых. Можно выделить несколько аспектов, которые представляют зарубежные авторы, анализирующие молодежную политику. Так, ученые стран, находящиеся в определенном кризисе или пережившие его, часто предпочитают «острый проблемный акцент» в ее изучении. Бразильские ученые В. Тимотеу, И. де Матос Оливейра трактуют вопрос об отсутствии молодежной политики как нарушение прав человека [1] (что отсылает и нас к дискуссии отечественных ученых и чиновников по поводу отсутствия в новом Законе понятия «государственная молодежная политика»). Вопрос дискриминации определенных групп молодежи (в частности сельской) в контексте участия в молодежной политике поднимают в своей статье ученые из Зимбабве, где этот вопрос очень актуален [2]. А. Мартинес-Рейес и Х. Х. Наварро-Перес посредством качественных исследований показали бессилие современной молодежной политики Сальвадора противостоять росту молодежного бандитизма, хотя сами авторы видят большой потенциал этого социального института перед данным локальным бедствием, поглощающем молодежную культуру территории [3]. Нельзя в этой связи пройти мимо статьи, посвященной переоценке власти через национальную молодежную политику в послевоенном Непале, где представлен весь трагизм вовлечения молодежи в военные действия, ее разочарования и последующего возрождения. Автор показал, как национальная молодежная политика используется в качестве контекста для изучения того, как молодежные активисты устанавливают государственную власть помимо (насильственного) протеста [4].

Другим аспектом является анализ ситуации с позиции монопроблемы, требующей решения в одном из направлений молодежной политики. Например, проблемы управления молодыми людьми, находящимися в группе риска, при сочетании возможностей трудоустройства и нестабильности в управлении молодежной политикой Европейского союза [5]. Аналогичные вопросы поднимаются и другими авторами: помощь работающей молодежи, даже школьного возраста, – актуальная тема в обсуждении мер ее поддержки в рамках молодежной политики разных стран [6–8]. Следует назвать и ряд других тем помощи разным социальным группам молодежи, решения ее конкретных проблем посредством мероприятий и мер, заложенных в молодежной политике, например, перспективы и политика в отношении обездоленной молодежи в Испании [9]. Квинтэссенцией в этом ряду можно считать исследование, посвященное молодежи, вовлеченной в мультисистему: это дети и подростки,

одновременно обслуживающиеся в системах защиты детей, психического здоровья и/или ювенальной юстиции [10]. Авторы приходят к выводу, что «в настоящее время для молодежи и их семей, вовлеченных в мультисистему, отсутствуют стандартизированные и интегрированные процедуры скрининга для выявления молодых людей с открытыми случаями в различных системах обслуживания; неадекватное использование доступных инструментов для оценки воздействия сложной травмы; неадекватные клинические и связанные с семьей методы, основанные на фактических данных, специально для использования в этой группе населения; и плохое межсистемное сотрудничество и координация, которые согласовывают цели и целевые результаты в разных системах», и предлагают свои пути решения этой проблемы [10].

В связи с нашей темой интерес представляют статьи, дающие возможность увидеть систему в целом, ее возможности, ошибки и риски, универсальные для разных стран. Здесь выделим публикации, посвященные труду молодежных работников, технологиям их деятельности, трансформации функций в связи с современными реалиями. Так, С. Чалхи, М. Костер и Дж. Вермелен в своей статье показали, как молодежные работники в голландском городе объединяют, казалось бы, несовместимые миры: политику развития их организаций и государства, с одной стороны, и практики, потребности и надежды молодых людей – с другой. При этом дан нетривиальный взгляд на функции организаторов работы с молодежью – они сравниваются с брокерами, призванными соединить интересы разных сторон и урегулировать их ко всеобщему согласию и удовлетворению [11].

Есть очень интересные работы, не просто поднимающие реальные проблемы, но и затрагивающие методологические вопросы, демонстрирующие парадоксы зарубежной молодежной политики (логика которых применима и к нашим реалиям). Например, Э. Дэвидсон и Э. Карлин поднимают вопрос о том, что в условиях неравенства молодежи (определенного территориальной проживания) в рамках планирования мероприятий поддержки в молодежной политике делается «упор на индивидуальные защитные факторы». «Следствием этого является не молодежная политика, основанная на активах, которая поддерживает всех молодых людей, а скорее форма устойчивости, которая способствует “закалке” молодых людей; делая их сильнее и устойчивее к невзгодам». Авторы считают, что «эти невзгоды можно предотвратить в рамках более справедливого социального порядка» [12, р. 479].

Еще один анализ направлений молодежной политики представили Д. Маццони, Э. Чиконьяни, К. Чифатте, Б. Цани и Л. Флореста на примере Италии [13]. Ученые, проанализировав документы национальной молодежной политики, четко разделяют три ее направления, каждое из которых характеризуется различным позиционированием молодых людей и целей в их отношении: представление молодых людей как талантов (подразумевает ориентацию на развитие навыков); видение молодежи как ресурса (связано

с продвижением их возможного вклада в общество); негативные представления о молодежи (характеризуют защитные для нее решения).

Г. Никипорец-Такигава исследует текущее положение молодежи и опыт реализации молодежной политики в Великобритании после выхода страны из Европейского союза [14]. Автором выделены последствия неэффективной молодежной политики в виде радикализации молодежи и других признаков слабости роли молодежи в политической жизни страны. Автор подчеркивает необходимость укрепления молодежной политики для развития политического сознания у молодежи, обеспечения межкультурного диалога между проживающими в стране представителями различных этнических и религиозных групп, интеграции оставшихся иммигрантов в принимающее общество и формирования гражданской идентичности среди молодежи Великобритании после Брексита [14]. Аналогичные вопросы солидаризации европейской молодежи затрагивают А. Вальтер, Д. Г. Люкюсю, П. Лонкл, А. Паис в исследовании, посвященном сравнительному анализу молодежной политики и общественному участию молодежи в европейских городах [15].

К сожалению, статей с новой, интересной методологией, системным видением и сравнительным анализом ситуации меньшинство. Молодежная политика зарубежных стран рассматривается скорее как отрасль социальной работы: широко представлены социальные технологии для работы с разными проблемными группами и ситуациями, но фактически не изучаются аспекты, связанные с молодежным лидерством, самосознанием, культурой, активной позицией, самоуправлением и т. д., с чем до недавнего времени постулировала, на чем стояла наша государственная молодежная политика.

Вопрос эффективности, оценки молодежной политики практически не представлен среди западных ученых. Так, мы смогли найти только одну работу, где ученые произвели такую оценку (посредством молодежной рефлексии) и выделили 17 межотраслевых молодежных показателей, важных для программирования и стратегического планирования молодежной политики. Авторы сделали ряд выводов о проблемном периметре, который, по нашему мнению, весьма комплементарен российской повестке: «молодежь рассматривала образование как шаг к самостоятельности и лучшему будущему. Молодежь старшего возраста признала важность приобретения реальных навыков, связанных с работой, и хотела получить больше возможностей для изучения и применения этих навыков. Приоритеты здравоохранения связаны с психическим здоровьем, профилактикой злоупотребления психоактивных веществ и репродуктивным здоровьем... Молодые люди выразили разочарование тем, что взрослые и общество в целом не слышат их голоса, и признали ограниченные возможности для развития лидерских ролей. Молодежь в условиях конфликта или нестабильности выражает сильное желание участвовать в жизни своего общества. ...Повышение осведомленности, улучшение координации и повышение навыков субъектов, поддерживающих развитие молодежи,

а также обеспечение того, чтобы молодежь находилась в центре этих усилий, повышают эффективность и последовательность молодежных программ и политики как части благоприятной среды» [16, р. 20]. Последний вывод в части информированности молодежи тождественен итогу нашего исследования.

Российский контент, посвященный молодежной политике в отечественной периодике, имеет существенное различие. Чаще даются не методические решения, а ситуационный анализ, затрагиваются методологические проблемы. Вопрос эффективности деятельности органов управления государственной молодежной политикой, напротив, притягателен для изучения, и многие ученые и исследователи занимаются поиском ключевых показателей и индикаторов такой оценки. А. Я. Криницкий, например, анализирует, предлагаемые «индикаторы» оценки ГМП на федеральном уровне и приходит к выводу, что «... сформированная разработчиками система показателей представляется недостаточно продуманной, не позволяющей четко фиксировать состояние молодежной среды. Отсутствуют базовые и ожидаемые значения показателей; индикаторы, отражающие их текущее состояние; детальная программа мониторинга, позволяющая отслеживать динамику изменений» [17, с. 25]. Итоговый вывод автора неутешителен – анализ ситуации по оценке ГМП в регионах показал, что региональные органы власти бездумно копируют «методику», а вместе с ней и ошибки, предлагаемые федеральными властями.

Поиском целевых показателей озабочены А. С. Крапивенский и С. Н. Карabanов. Ученые выявили парадокс между «требованиями» оценки (заложенной в федеральных рекомендациях) и «реализацией» такой оценки. На примере Волгоградской области авторы доказывают, что выделенные целевые показатели не зависят большей частью от органов управления молодежной политикой, тем самым еще раз поднимая проблему поиска эффективных методов оценки ГМП [18]. Проблему отсутствия показателей эффективности, и даже более того – «умной статистики» в отношении молодежной политики регионов России, поднимает и О. А. Рожнов [19].

Отдельным сегментом исследования можно считать научные работы, где государственная молодежная политика рассматривается как инструмент влияния на многоаспектный процесс социализации молодежи, капитализацию ее ресурса (о чем нам говорит Т. К. Ростовская¹) и как превентивный механизм в воспроизводстве девиаций [20; 21]. Обширный спектр эвристического и эмпирического труда не позволяет уместить их в формате исследовательской статьи и требует отдельного обзора и поиска наиболее эффективного осмысления всех подходов и практик к изучению всех элементов ГМП.

Чаще других в исследовательской практике и поиске инструментов измерения эффективности государственной молодежной политики мы видим региональный, иногда даже локальный, взгляд на проблемы реализации мероприятий

¹ Ростовская Т. К. Повышение человеческого капитала российской молодежи – стратегическая цель государственной молодежной политики // Фотинские чтения. 2015. № 1 (3). С. 133–138.

ГМП, обусловленный прежде всего уникальными условиями территорий, часто менталитетом (например, Е. В. Маликова представила исследования проблем молодежной политики Чеченской Республики, показав как культурная и экономическая парадигмы территории смещают акценты и меняют приоритеты ГМП² [22]), социально-культурным кодом, оказывающим влияние на контекст и показатели реализации всех направлений ГМП. Например, Т. А. Асеева и Я. Ю. Шашкова показывают возможности в оценке эффективности государственной молодежной политики через ее информационный компонент школьниками регионов Юго-Западной Сибири [23]; Е. Е. Асташина представляет инструментальные средства для измерения эффективности государственной молодежной политики на территории Самары [24], Т. Б. Шиголакова знакомит нас с показателями эффективности ГМП в Республике Хакасия [25].

Встречаются работы ученых, связанные с поиском системных ошибок и, наоборот, прорывных потенций в сфере управления государственной молодежной политикой. Так, А. А. Зеленин приходит к интересному заключению, которое, на наш взгляд, очень точно выделяет «ядерную проблему» не только современной ГМП, но и принципиального отношения к молодежи и взаимодействия с молодым поколением: «концептуально ГМП в нашей стране базируется на образцах, сформированных в условиях демократического социального государства. Однако реальность часто демонстрирует воспроизводство матрично-обусловленных особенностей исторически сложившейся в СССР "партийно-государственной" модели молодежной политики. Наряду с бесспорными достижениями, эта модель содержала немало авторитарно-тоталитарных черт: избыточную идеологизированность и политизированность; директивную постановку общественно значимых целей; игнорирование потенциала различных общественных сил; формализм и бюрократизм партийно-государственного аппарата; принижение или замалчивание реальных проблем молодежи; отсутствие гибкости и своевременной реакции на изменение внешних и внутренних факторов развития; пренебрежение к правовому обеспечению молодежной политики»³.

М. У. Ярычев в рамках обсуждения эффективности государственной молодежной политики, которое он проводит посредством ретро-анализа исторического опыта ее создания и реализации, высказывает интересные идеи, объясняя преемственность проблем: «одна из главных опасностей в разработке и проведении государственной молодежной политики современной России – увлечение администрированием»; «смыслы и образы, формируемые в соответствии с данными науки, базовой системой ценностей, осознанным

² Маликова Е. В. Реализация федеральной модели государственной молодежной политики в контексте региональной специфики (на материалах Чеченской Республики) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2018. 28 с.

³ Зеленин А. А. Государственная молодежная политика Российской Федерации: концептуальные основы, стратегические приоритеты, эффективность региональных моделей : автореф. дис. ... д-ра. полит. наук. Н. Новгород, 2009. С. 17.

и сформулированным национальным интересом – необходимое условие для проведения эффективной и подлинной молодежной политики. В противном случае, политические силы оказываются несамостоятельны и зависимы от источников смыслов и образов, цели и интересы которых могут не совпадать с целями и интересами российского общества и государства» [26, с. 70]. Очень актуальной в свете принятия нового закона становится следующая мысль: «важно, чтобы для разработки и проведения государственной молодежной политики через современную систему грантов и иных форм конкурентного и прозрачного финансирования к делу привлекались действительно лучшие специалисты, независимые в своих экспертных оценках, но и не являющиеся агентами идей и ценностей иного политического центра, отличного от российского государства и общества» [26, с. 69].

А. Э. Страдзе в своей работе показывает возможный «разворот парадигмы» восприятия ГМП, приближение ее к западному контексту (как отраслевой сегмент социальной работы и социальной политики) [27, с. 63].

В рамках расстановки проблемных акцентов в ГМП отдельной группой стоит дискурс о Законе «О государственной молодежной политике в Российской Федерации», развернувшийся в том числе и в информационном пространстве социальных сетей в 2020–2021 гг. В 2014 г., на фоне выделяемых авторами проблем реализации государственной молодежной политики, Н. А. Самохвалов пишет о том, что «в данной области имеется ряд проблемных аспектов, ключевым из которых является отсутствие единого Федерального закона "О государственной молодежной политике в Российской Федерации"» [28, с. 34]. Учеными «предлагается совершенствовать институциональную составляющую молодежной политики, основанную на трех важнейших элементах: законодательного, инфраструктурного и кадрового обеспечения реализации государственной молодежной политики» [29, с. 93]. В последующем дискурс выводит исследователей на анализ проекта закона, где отмечается, что «из 3 заявленных целей введения Закона авторы явно не достигают 2 – "обеспечение единства правовой терминологии", "создание действенного механизма ответственности". Да и по поводу "системности правового регулирования в данной сфере" есть много вопросов» [30, с. 66]. Это дополнительный аспект, позволяющий говорить о трудностях анализа эффективности ГМП – как выстраивать систему индикаторов, если не определено однозначно поле объекта и его основные модели функционирования.

Таким образом, проанализировав научный международный дискурс по теме статьи, мы приходим к пониманию неоднозначного восприятия понятия эффективности ГМП – фрагментарность, социальная направленность и как правило «технологизированность» за редким исключением, с позиции западных ученых, и попытки глубокого системного анализа, выхода на показатели и индикаторы со стороны российских исследователей. Если исследования западных, особенно европейских, ученых, отвечают на вопрос «Как делать?»,

то российская научная общественность озабочена весьма широким спектром проблем: «Как это получилось?», «Кто виноват?» и «Что делать?»).

Поливариантность анализа эффективности ГМП привела нас к идее заложить несколько иной концептуальный алгоритм, основывающийся на базовом восприятии государственной молодежной политики как института, создающего среду, условия и предпосылки для успешной социализации молодежи и получения необходимого (государству и обществу) социализационного результата, отвечающего национальным стратегическим ориентирам, в том числе и в перспективной реализации социальных стратегий молодежи. Разделение социальных стратегий на основные жизненные сферы дало возможность соединить их с направлениями и мероприятиями молодежной политики и получить молодежную оценку их эффективности посредством диагностики удовлетворенности молодых людей. Более подробно о результатах исследования социальных стратегий молодежи и социализационных результатах поколенческой современности можно прочитать в статьях и научных трудах авторского коллектива Международного центра социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета⁴.

Материалы и методы. В рамках тематики статьи в 2020–2021 гг. Международным центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета было проведено исследование (повторный мониторинговый замер на региональном молодежном сообществе, первичное исследование 2018 г.), посвященное изучению социальных стратегий молодежи, затрагивающее вопросы оценки эффективности реализации государственной молодежной политики. Для получения информации о социальных чертах и стратегиях молодежи по 11 социальным направлениям была произведена диагностика проблем реализации одноименных направлений в работе с ней, отраженных в мероприятиях, программах и проектах ГМП (локального, регионального и федерального уровней). В опросе приняли участие 866 респондентов (молодежь Белгородской области), выборка квотная по отношению к возрастным периодам, полу и типу поселения, ошибка выборки относительно региональной генеральной совокупности составила 3,5 % при доверительной вероятности 95,0 %. Все респонденты

⁴ Шаповалова И. С., Кисиленко А. В., Заводян И. С. Общие тренды и уникальные социализационные траектории региональной молодежи : моногр. Белгород : ООО «ЭПИЦЕНТР», 2020. 254 с.; Шаповалова И. С. Самоохранительное поведение молодежи: и жили они долго и счастливо? // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона : материалы Всеросс. науч.-практ. конф. (17–18 марта 2020 г.). Екатеринбург : Урал. федерал. ун-т имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2020. С. 181–188; Shapovalova I. S. Youth Communication Strategies: Communication without Borders and Site Traps // Culture and Education: Social Transformations and Multicultural Communication. Proceedings of the Middle-Term : Conference RC04 Sociology of Education International Sociological Association (ISA) (24–26 July). Moscow : Peoples' Friendship University of Russia, 2019. Pp. 110–117.

были проинформированы о цели исследования и выразили готовность к сотрудничеству. В качестве направлений оценки были определены реализация мероприятий ГМП по поддержке экономических, политических, карьерных, семейных, образовательных, общественных, духовно-нравственных, миграционных, досуговых, самосохранительных и коммуникативных стратегий. Унифицированность оценки по каждой жизненной стратегии позволила получить сравнительную матрицу оценки по всем направлениям государственной молодежной политики, для чего был выбран опросный метод (анкетирование).

Пилотажные исследования были проведены двумя методами: 1) пробный опрос молодежи (учащаяся, студенческая, работающая, $N = 30$) со скринингом сложности вопросов и понимания контента; 2) экспертное обсуждение инструмента (экспертами выступили ученые-социологи, ведущие преподаватели по направлению «Организация работы с молодежью», представители органов регионального управления государственной молодежной политикой, государственные и муниципальные служащие, курирующие поддержку молодежи в различных жизненных стратегиях, $N = 9$) со скринингом системности, охвата представленных форм поддержки, методической обоснованности и результативности (согласно целям исследования).

На основе разработанного инструментария (анкеты) были построены опросные онлайн-формы для студенческой молодежи, которая была проанкетирована согласно квотам направлений подготовки и курсов обучения (бакалавриат и магистратура). Онлайн-методом были опрошены и молодые преподаватели вузов, которые дополнили категорию работающей молодежи. Учащиеся и большая часть работающей молодежи были опрошены посредством уличного опроса. Для учащейся молодежи были учтены категории типа поселения, для работающей – категории трудовых организаций (государственные и негосударственные учреждения) и возраста. По итогу сбора данных был произведен ремонт выборки.

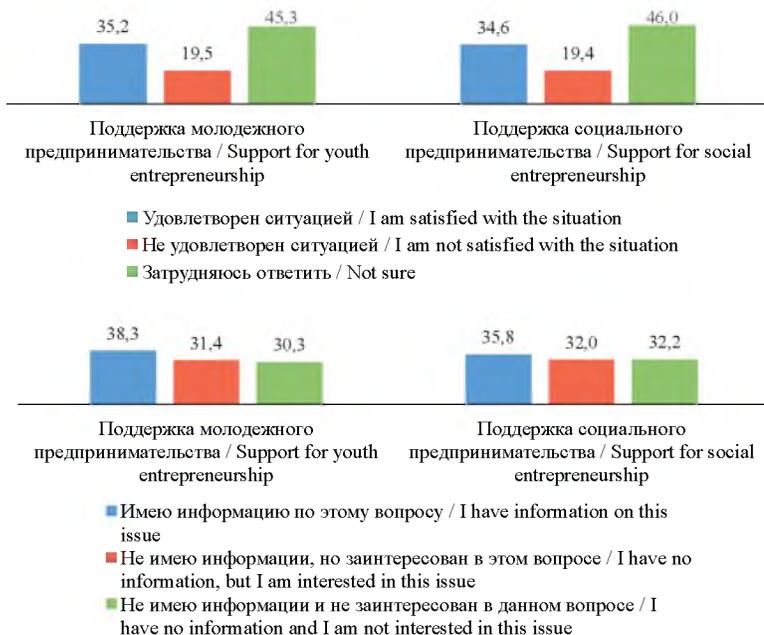
Показателями молодежной рефлексии по отношению к ситуации в ГМП стала оценка удовлетворенности мероприятиями, имеющими отношение к выделенным стратегиям, оценка осведомленности и заинтересованности в получении информации по мероприятиям. Таким образом, были оценены все 11 направлений поддержки молодежи в обеспечении ее гармоничного развития и существования. В статье представлены общие оценки удовлетворенности реализации направлений ГМП и информированности по ним без обсуждения влияния на общую социальную удовлетворенность молодежи (не входило в задачи исследования).

Результаты исследования. Последовательный анализ полученной информации по каждой социальной стратегии позволяет увидеть общий проблемный периметр реализации государственной молодежной политики и обозначить основные социальные дефициты по мнению региональной молодежной общественности.

Экономические стратегии. В рамках этих стратегий были определены два ключевых направления ГМП, связанные с поддержкой предпринимательской активности молодежи. Оценки здесь невысоки – удовлетворительно оценивают ситуацию в молодежной политике, связанную с развитием молодежного и социального предпринимательства, порядка 35 % опрошенных, чуть более 19 % характеризуют ее как неудовлетворительную.

Информированность молодежи о мероприятиях и программах поддержки предпринимателей показывает превалирование тех, кто не в курсе существующей ситуации (таких более 60 %), но одновременно с этим по каждому вопросу 31–32 % респондентов выражают заинтересованность в получении такой информации. В этой связи мы предполагаем, что расширение мероприятий информирования молодежи о поддержке предпринимательских инициатив способно увеличить количество вовлеченных в предпринимательское движение, повысить предпринимательскую активность молодежи (рис. 1).

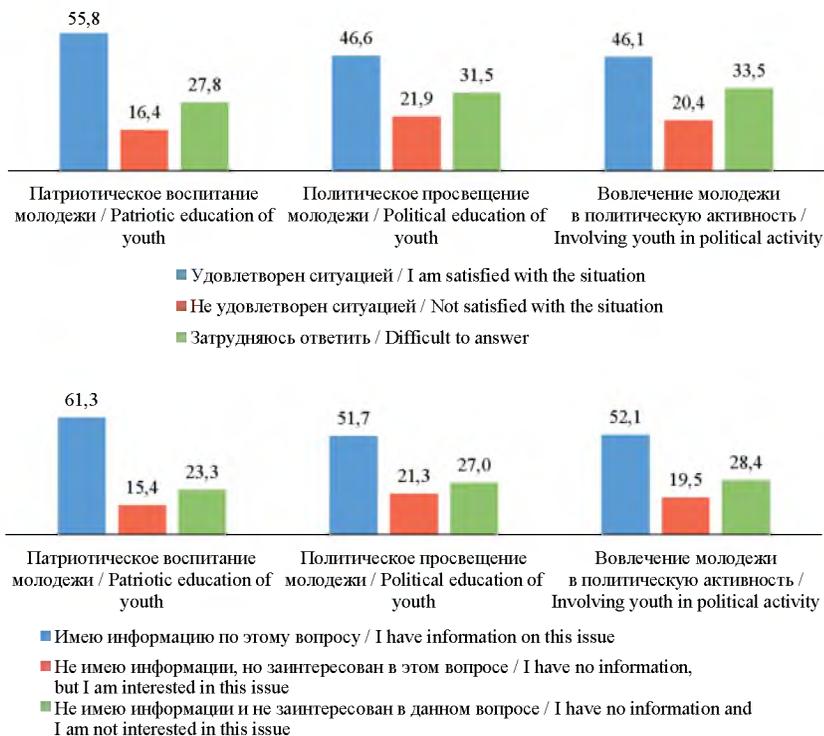

Р и с. 1. Оценка направлений молодежной политики в области экономических стратегий молодежи

F i g. 1. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth economic strategies

Политические стратегии. Оценивая направления реализации молодежной политики в регионе по этим стратегиям, молодые люди отмечают недостаточную удовлетворенность ситуацией по всем мероприятиям – как правило, показатель здесь не поднимается выше 55 %. В зоне большей удовлетворенности оказывается деятельность по патриотическому воспитанию молодежи, ниже 50 % опускаются значения удовлетворенности по политическому просвещению и вовлечению молодежи в политическую активность. Высокий процент затруднившихся с ответом снова указывает нам на проблемы информирования – трудно оценить то, о чем не знаешь – и, соответственно, также формирует вектор действий, отдельное направление по продвижению информации в рамках помощи в реализации политических стратегий (рис. 2).

Р и с. 2. Оценка направлений молодежной политики в области политических стратегий молодежи

Fig. 2. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth political strategies

Действительно, информированность по мероприятиям политического просвещения и вовлечения не превышает 52,0 %, чуть лучше обстоят дела с патриотическим воспитанием – 61,3 %. Исключенных из информационного поля, но желающих получать информацию по данным вопросам достаточно много (особенно что касается политического оснащения) – заинтересованные здесь составляют практически 1/5 опрошенного массива. Чуть менее эта группа представлена в отношении патриотического воспитания, но объединив между собой тех, кто имеет информацию и заинтересован в ней, мы выйдем на фактически одинаковый уровень заинтересованности молодежи в данном вопросе – он составляет порядка 70 % (72–76 %). Такой интерес в совокупности с высоким уровнем неинформированности формирует востребованность мероприятий, связанных с реализацией политического просвещения и повышением политической грамотности и дискуссионных компетенций.

Общественные стратегии. Оценивая направления реализации молодежной политики в регионе относительно поддержки общественных стратегий, молодые люди отмечают достаточную удовлетворенность ситуацией по всем мероприятиям – как правило, показатель здесь не опускается ниже 60 %. В зоне большей удовлетворенности оказывается деятельность по созданию условий для развития молодежного волонтерства (68,5 %), в меньшей – поддержка молодежных инициатив и деятельность органов молодежного самоуправления (60,1–60,5 %) (рис. 3).

Осведомленность по всем вопросам и мероприятиям поддержки общественных стратегий близится к 60 %. Наиболее низкие проценты получены в области информирования о деятельности органов молодежного самоуправления (56,7 %). Заинтересованность в данном вопросе у молодых людей, не имеющих информации, составляет порядка 20 % и в большей степени представлена в зоне проектной деятельности молодежи.

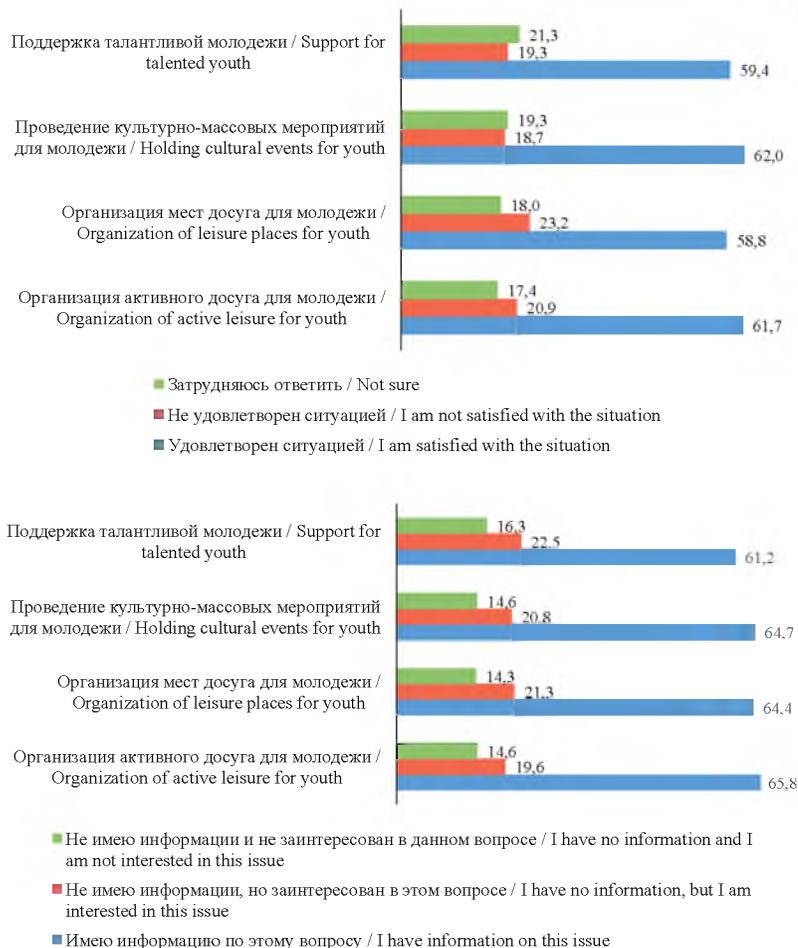
Досуговые стратегии. Молодежь весьма позитивно оценивает как организацию досуга, так и собственно программы и проекты поддержки развития талантов и культуры молодежи (рис. 4). Наибольшую неудовлетворенность она высказывает относительно организации мест досуга (23,2 %) и активного досуга (20,9 %). Информированность по мероприятиям поддержки досуговых выборов молодых людей близится к 65 %, исключение составляет информация о программах поддержки талантливой молодежи. По этому направлению выявлен наибольший процент заинтересованных в получении информации (22,5 %).

Семейные стратегии. Оценивая направления реализации молодежной политики в регионе относительно поддержки семейных стратегий, от 40 до 45 % молодежи удовлетворены ситуацией, связанной с половым воспитанием и помощью молодой семье (рис. 5). Наибольшую неудовлетворенность респонденты высказывают относительно полового воспитания молодежи.

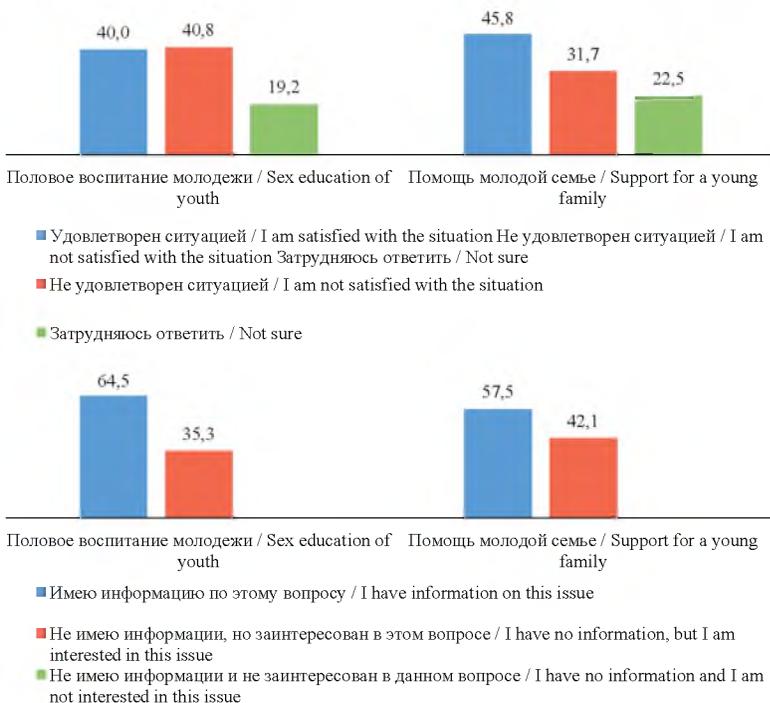
Р и с. 3. Оценка направлений молодежной политики в области общественных стратегий молодежи

F i g. 3. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth social strategies

Р и с. 4. Оценка направлений молодежной политики в области досуговых стратегий молодежи

F i g. 4. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth leisure strategies

Р и с. 5. Оценка направлений молодежной политики в области семейных стратегий молодежи

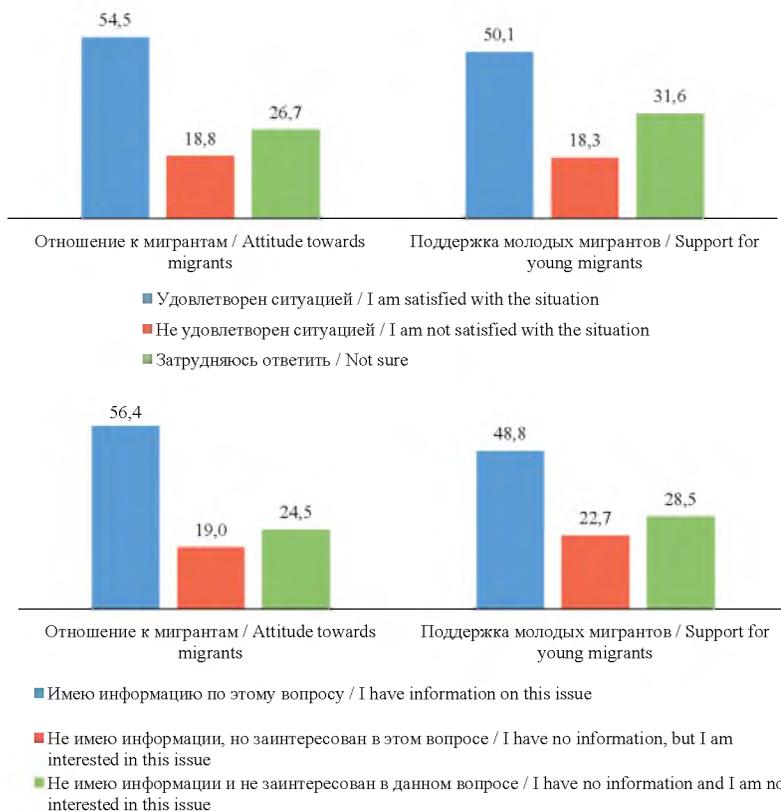
F i g. 5. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth family strategies

Информированность по мероприятиям поддержки семейных стратегий молодежи варьируется от 57,5 % в области направления помощи молодой семье и 64,5 % в области полового воспитания молодежи. Оставшиеся участники опроса напрямую заинтересованы в получении информации как по поддержке молодых семей, так и по половому воспитанию.

Миграционные стратегии и их поддержка в рамках государственной молодежной политики опрошенных в большей степени оценены удовлетворительно – как в связи с отношением к мигрантам, так и по поддержке молодых мигрантов (рис. 6). Неудовлетворительно оценивают работу в данном направлении чуть более 18 % опрошенных. 48,8 % респондентов подтвердили информированность по мероприятиям поддержки мигрантов относительно

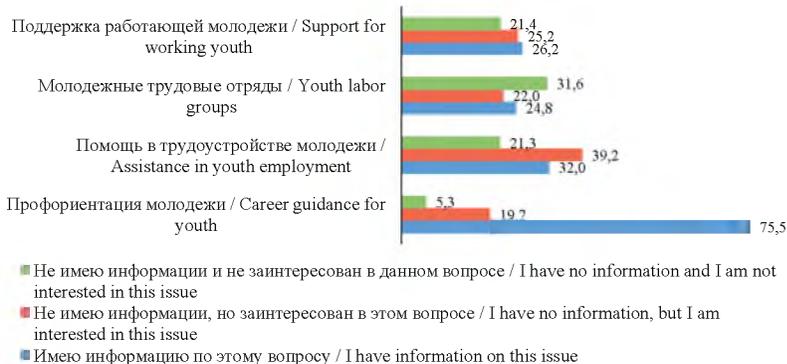
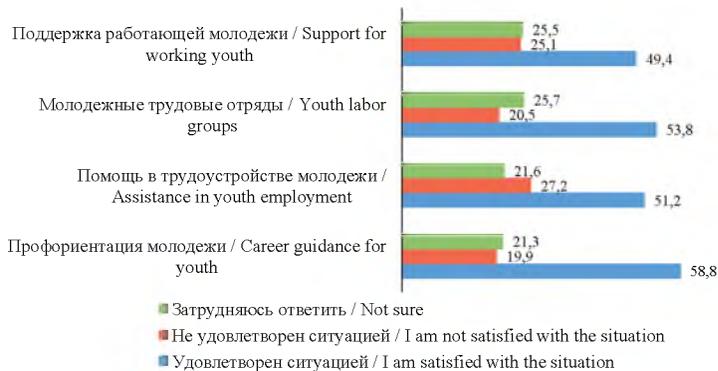
вопросов работы с молодыми мигрантами, 56,4 % – вопросам регулирования и контроля отношения к мигрантам коренного населения региона. По этому направлению зафиксирован и наибольший процент заинтересованных в получении информации (22,7 %).

Р и с. 6. Оценка направлений молодежной политики в области миграционных стратегий молодежи

Fig. 6. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth migration strategies

Карьерные стратегии. Молодежь менее всего удовлетворена ситуацией поддержки работающей молодежи (49,4 %), при этом наибольшую удовлетворенность она показывает по вопросу организации профориентационных мероприятий (58,8 %) (рис. 7).

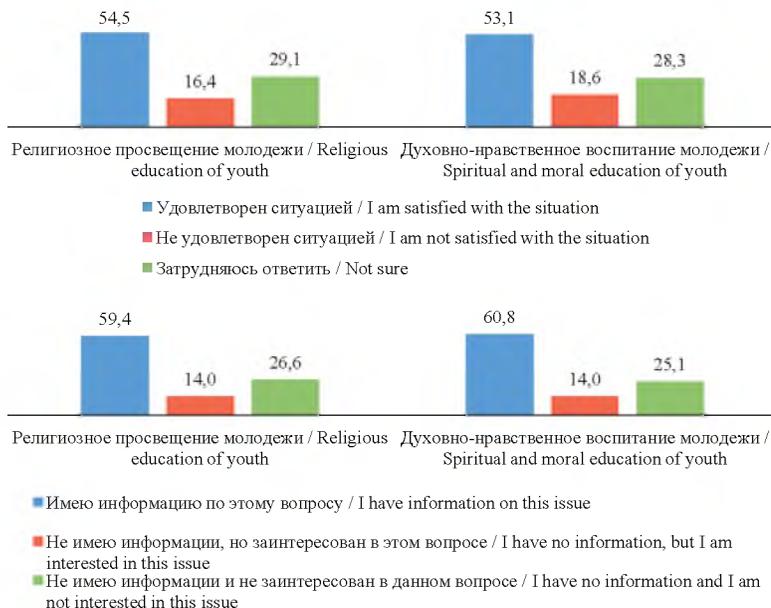
Р и с. 7. Оценка направлений молодежной политики в области карьерных стратегий молодежи

Fig. 7. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth career strategies

Наибольшая неудовлетворенность отмечается реализацией задач в области трудоустройства молодежи (27,2 %) и поддержки работающей молодежи (25,1 %). Информированность по мероприятиям поддержки карьерных возможностей имеет неровный характер: более всего молодые люди осведомлены о профориентационных мероприятиях (75,5 %), а менее всего – о молодежных трудовых отрядах. Следовательно, более всего опрошенные заинтересованы в информации о трудоустройстве и мероприятиях по поддержке работающей молодежи.

Духовно-нравственные стратегии. В направлении реализации молодежной политики относительно данных стратегий молодежь в большей степени показывает удовлетворенность как религиозным просвещением (54,5 %), так и мероприятиями по духовно-нравственному воспитанию (53,1 %) (рис. 8).

Р и с. 8. Оценка направлений молодежной политики в области духовно-нравственных стратегий молодежи

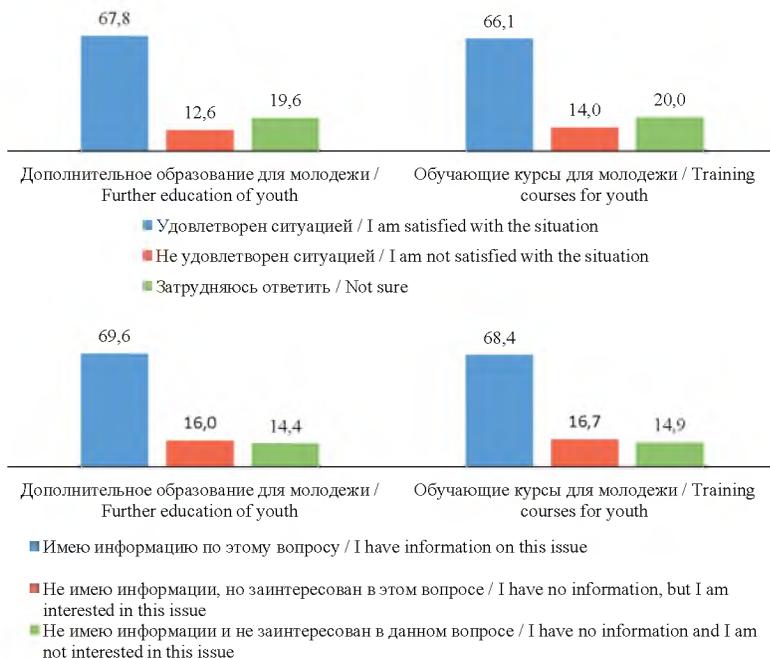
Fig. 8. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth spiritual and moral strategies

Информированность о мероприятиях духовно-нравственного развития молодежи отмечают 59,4–60,8 % респондентов, заинтересованность в получении информации (при ее отсутствии) в отношении двух направлений – 14,0 %. Незаинтересованность в дополнительной информации и участии показывают порядка четверти опрошенных.

Образовательные стратегии. Мероприятиями по направлениям поддержки образовательных стратегий молодежь в основном удовлетворена. Так, наличием обучающих курсов и возможностью получить дополнительное образование довольны 66,1–67,8 % (рис. 9). Неудовлетворительно оценивают работу в данном направлении менее 15,0 % опрошенных. Информированность по мероприятиям поддержки образовательных устремлений молодых людей демонстрируют 68,4–69,6 %. Отсутствие информации, но желание ее получить

испытывают 16,0 %, незаинтересованность демонстрирует группа в размере 14,0 % – по сути тождественная группе, ограничивающей образование университетом или школой (по данным других показателей нашего исследования).

Р и с. 9. Оценка направлений молодежной политики в области образовательных стратегий молодежи

Fig. 9. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth educational strategies

Самосохранительные стратегии. Оценивая направления реализации молодежной политики насчет самосохранительных стратегий, молодежь в большей степени высказывает удовлетворенность в отношении развития и поддержки молодежного спорта (65,6 %), приобщения к здоровому образу жизни (61,6), пропаганде здорового питания (59,2), развития спортивной инфраструктуры, доступной для молодежи (59,3 %). Менее других молодые люди удовлетворены ситуацией, связанной с работой медицинских заведений – 56,1 % (рис. 10). Показатели неудовлетворительных откликов формируют свой рейтинг, на вершине которого стоит неудовлетворенность работой медицинских учреждений (28,6 %), информированность населения о необходимости диспансеризации (24,0) и доступность бесплатной спортивной инфраструктуры (24,2 %).

Р и с. 10. Оценка направлений молодежной политики в области самосохранительных стратегий молодежи

Fig. 10. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth self-preservation strategies

Информированность по всем мероприятиям поддержки самосохранительного поведения достаточно высокая (в сравнении с другими стратегиями), менее других есть информированность о мероприятиях по диспансеризации населения и организации доступной и бесплатной спортивной инфраструктуры. По этим же вопросам группа молодых людей, не имеющих информации, но заинтересованных в ее получении, имеет самый высокий процент по этой категории – 18,0 %.

Коммуникативные стратегии. Направления реализации молодежной политики в регионе относительно коммуникативных стратегий оценены респондентами невысоко (рис. 11). Так, только по позиции организации клубов для общения удовлетворенность молодых людей поднимается до 55,9 %, по остальным же позициям (развитие киберспорта, работа с блогерами, регулирование интернет-контента) удовлетворительные оценки едва пересекают черту в 50,0 %. Неудовлетворительно оценивают работу в данном направлении чуть более 18,0 % опрошенных.

Р и с. 11. Оценка направлений молодежной политики в области коммуникативных стратегий молодежи

Fig. 11. Assessment of the directions of the youth policy in the field of youth communicative strategies

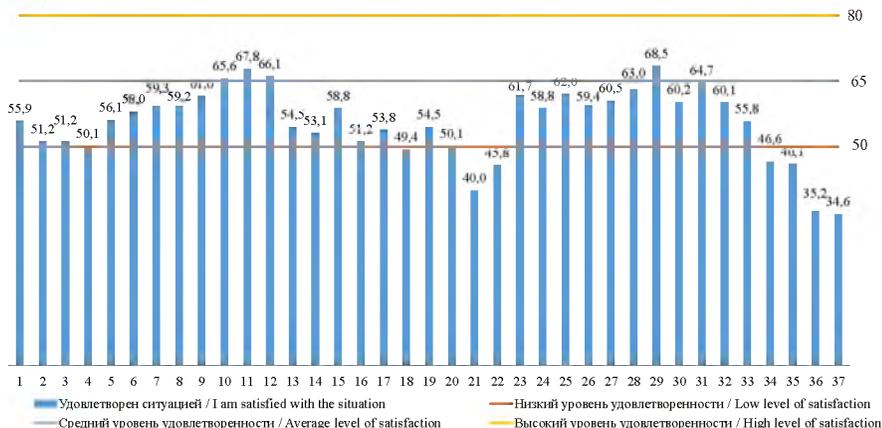
Информированность по мероприятиям поддержки коммуникативных стратегий и формирования коммуникативных моделей достигает максимума в 57,3 % по вопросам организации работы клубов для общения молодежи и не поднимается выше 52,0 % по всем остальным мероприятиям. Заинтересованность в получении информации при ее отсутствии демонстрируют в целом порядка 19–22 %, что при реализации мероприятий в этом направлении позволило бы повысить информированность до 70 % и выше.

Обсуждение и заключение. Итогом проведенного исследования становится карта удовлетворенности молодежи мероприятиями поддержки ее социальных стратегий (рис. 12), где в формате сегментарной оценки мы видим, как «проваливаются» направления, связанные с развитием молодежного предпринимательства, ухода в зону неудовлетворенности их результатами, впрочем как и сопровождение семейных стратегий молодежи, политических стратегий, поддержка работающей молодежи (что в связи с новым законом и увеличением возраста «молодого человека» становится особенно актуальным). Семья, труд, качество жизни (благополучие) – те фундаментальные стратегии, которые обеспечивают удовлетворение первичных социальных потребностей, они же самые «ресурсно-затратные» как с позиции самой молодежи, так и с позиции поддерживающих их институциональных субъектов. Политическая же «покинутость» молодых людей, их отрешенность, периферийность и одновременно вовлеченность в имитационные политические действия – результат работы органов ГМП по поддержке этой социальной стратегии.

На графике карты предложена также уровневая оценка: до 50 % выборов – зона неудовлетворенности деятельностью органов управления ГМП (мы обозначили ее выше); от 50 до 64 % – низкая удовлетворенность, проявившаяся в оценках респондентов (этот уровень более других представлен на карте); после 65 % начинается уровень средней удовлетворенности, где зафиксировались только 4 мероприятия из списка – развитие молодежного спорта, предложение дополнительного образования и обучающих курсов и молодежное волонтерство; после 80 % начинается высокий уровень удовлетворенности – показателей в этом уровне, к сожалению, нет.

Какие же направления можно считать условно успешными, «удовлетворительно реализуемыми» органами управления в сфере государственной молодежной политики? Скорее, здесь можно говорить об образовательных, досуговых, общественных и самосохранительных стратегиях. В этом плане проще всего предлагать фрагментарные решения – не создавая системы воспроизводства результата по социальной стратегии, ориентироваться на востребованность быстрых, по сути досуговых, решений.

Таким образом, общий фон удовлетворенности государственной молодежной политикой в рефлексии региональной молодежи не превышает 68 % – значения, близкие к этому, фиксируются только по поддержке волонтерской деятельности и возможности получения дополнительного образования.

1. Организация клубов общения для молодежи / Organization of communication clubs for youth
2. Регулирование интернет-контента (кибер-дружины) / Internet content regulation (cyber squads)
3. Работа с молодежными блогерами / Working with youth bloggers
4. Развитие киберспорта / Cyber sports development
5. Работа медицинских учреждений / Work of medical institutions
6. Информированность населения о необходимости прохождения диспансеризаций / Awareness of the population about the need for medical examinations
7. Доступная бесплатная спортивная инфраструктура / Free sports infrastructure available
8. Пропаганда здорового питания / Promotion of healthy eating
9. Приобщение молодежи к ЗОЖ / Involvement of young people in healthy lifestyles
10. Развитие молодежного спорта / Promotion of youth sports
11. Дополнительное образование для молодежи / Further education of youth
12. Обучающие курсы для молодежи / Training courses for youth
13. Религиозное просвещение молодежи / Religious education of youth
14. Духовно-нравственное воспитание молодежи / Spiritual and moral education of youth
15. Профориентация молодежи / Career guidance for youth
16. Помощь в трудоустройстве молодежи / Assistance in youth employment
17. Молодежные трудовые отряды / Youth labor groups
18. Поддержка работающей молодежи / Support for working youth
19. Отношение к мигрантам / Attitude towards migrants
20. Поддержка молодых мигрантов / Support for young migrants
21. Половое воспитание молодежи / Sex education of youth
22. Помощь молодой семье / Support for a young family
23. Организация активного досуга для молодежи / Organization of active leisure for youth
24. Организация мест досуга для молодежи / Organization of leisure places for youth
25. Проведение культурно-массовых мероприятий для молодежи / Holding cultural events for youth
26. Поддержка талантливой молодежи / Support for talented youth
27. Поддержка молодежных инициатив / Support for youth initiatives
28. Молодежная общественная деятельность / Youth social activities
29. Молодежное волонтерство / Youth volunteering
30. Проектная деятельность молодежи / Youth project activities
31. Студенческое самоуправление / Student self-government
32. Органы молодежного самоуправления / Youth self-government bodies
33. Патриотическое воспитание молодежи / Patriotic education of youth
34. Политическое просвещение молодежи / Political education of youth
35. Вовлечение молодежи в политическую активность / Involving youth in political activities
36. Поддержка молодежного предпринимательства / Support for youth entrepreneurship
37. Поддержка социального предпринимательства / Support for social entrepreneurship

Р и с. 12. Карта удовлетворенности мероприятиями поддержки молодежи и реализации государственной молодежной политики

F i g. 12. Map of satisfaction with the activities aimed at supporting youth and implementing the state youth policy

Это реальная оценка существующей ситуации, реальная оценка тех условий, которые созданы для формирования «успешных» социальных стратегий, формирования региональной российской молодежи в достаточно успешном, по рейтинговым меркам, регионе России. Что делать с результатами такой оценки? Только планомерная разработка каждого направления, обеспеченная глубокой проработкой, анализом обратной связи, передового международного опыта и исключения имитационных практик, способна сдвинуть с места и дать весомый толчок для развития в данной области.

Практическая значимость представленных результатов обусловлена соблюдением принципа системного анализа и реализации обратной связи с общественностью в деятельности органов местного самоуправления и органов управления государственной молодежной политикой. Данные исследования могут быть использованы для анализа эффективности реализуемых мероприятий поддержки молодежи, работы с системой информированности молодежи о проектах региона, а также корректировки планирования таких мероприятий для будущей системы управления молодежной политикой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Timóteo W., De Matos Oliveira I. The Absence of Public Policies for Youth as an Offense to Human Rights // *Revista Brasileira de Políticas Públicas*. 2021. Vol. 11, no. 1. Pp. 419–431. doi: <https://doi.org/10.5102/RBPP.V11I1.6628>
2. Hlungwani P., Masuku S., Magidi M. Mainstreaming Youth Policy in Zimbabwe – What Role for Rural Youth? // *Cogent Social Sciences*. 2021. Vol. 7, issue 1. doi: <https://doi.org/10.1080/23311886.2021.1893907>
3. Martínez-Reyes A., Navarro-Pérez J. J. Obstacles to Achieve the SDGS in El Salvador. Youth Policies, Young Gangs and NGOs: A Complex Analysis // *Iberoamerican Journal of Development Studies*. 2020. Vol. 9, issue 1. Pp. 28–51. doi: https://doi.org/10.26754/OJS_RIED/IJDS.444
4. Snellinger A. From (Violent) Protest to Policy: Rearticulating Authority Through the National Youth Policy in Post-War Nepal // *Modern Asian Studies*. 2018. Vol. 52, issue 3. Pp. 1043–1075. doi: <https://doi.org/10.1017/S0026749X16000937>
5. Mertanen K., Pashby K., Brunila K. Governing of Young People ‘at risk’ with the Alliance of Employability and Precariousness in the EU Youth Policy Steering // *Policy Futures in Education*. 2020. Vol. 18, issue 2. Pp. 240–260. doi: <https://doi.org/10.1177/1478210319838666>
6. Diferentes vulnerabilidades dos jovens que estão sem trabalhar e sem estudar / E. Rocha [et al.] // *Novos Estudos*. 2020. Vol. 39, no. 3. Pp. 545–562. doi: <https://doi.org/10.25091/S01013300202000030005>
7. Haikkola L. Shaping Activation Policy at the Street Level: Governing Inactivity in Youth Employment Services // *Acta Sociologica*. 2019. Vol. 62, issue 3. Pp. 334–348. doi: <https://doi.org/10.1177/0001699318784341>

8. Hora O., Horáková M., Sirovátka T. Diversity of Youth Policy Regimes and Early Job Insecurity – Towards an Integrated Approach // *Youth Unemployment and Job Insecurity in Europe: Problems, Risk Factors and Policies* / ed. by B. Hvinden [et al.]. 2019. Pp. 138–157. doi: <https://doi.org/10.4337/9781788118897.00014>

9. Hueso A., Boni A., Belda-Miquel S. Perspectives and Policies on Disadvantaged Youth in Spain: An Analysis Using the Capability Approach // *Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas*. 2015. Vol. 152. Pp. 47–64. doi: <https://doi.org/10.5477/cis/reis.152.47>

10. Multisystem-Involved Youth: A Developmental Framework and Implications for Research, Policy, and Practice / S. Vidal [et al.] // *Adolescent Research Review*. 2019. Vol. 4. Pp. 15–29. doi: <https://doi.org/10.1007/s40894-018-0088-1>

11. Chalhi S., Koster M., Vermeulen J. Assembling the Irreconcilable: Youth Workers, Development Policies and ‘High Risk’ Boys in the Netherlands // *Ethnos*. 2018. Vol. 83, issue 5. Pp. 850–867. doi: <https://doi.org/10.1080/00141844.2017.1362452>

12. Davidson E., Carlin E. “Steeling” Young People: Resilience and Youth Policy in Scotland // *Social Policy and Society*. 2019. Vol. 18, issue 3. Pp. 479–489. doi: <https://doi.org/10.1017/S1474746419000095>

13. Italian Young People Through the Lens of Youth Policies / D. Mazzoni [et al.] // *Socialni Studia / Social Studies*. 2018. Vol. 15, no. 2. Pp. 75–96. doi: <https://doi.org/10.5817/soc2018-2-75>

14. Никипорец-Такигава Г. Молодежь и молодежная политика в Великобритании // *Современная Европа*. 2018. № 1. С. 47–58. doi: <https://doi.org/10.15211/soveurope120184758>

15. Regimes of Youth Participation? Comparative Analysis of Youth Policies and Participation across European Cities / A. Walther [et al.] // *Young*. 2021. Vol. 29, issue 2. Pp. 191–209. doi: <https://doi.org/10.1177/1103308820937550>

16. Listening to Youth Through 17 Cross-Sectoral Youth Assessments: Implications for Programming and Policy / C. Jessee [et al.] // *Journal of Youth Development*. 2021. Vol. 16, no. 2-3. Pp. 20–54. doi: <https://doi.org/10.5195/JYD.2021.1046>

17. Криницкий А. Я. Эффективность государственной молодежной политики: проблема выбора и измеряемости показателей // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. 2009. № 2. С. 24–28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-problema-vybora-i-izmeryaemosti-pokazateley> (дата обращения: 15.08.2021).

18. Крапивенский А. С., Карабанов С. Н. Проблема определения целевых показателей региональной молодежной политики // *Современные проблемы науки и образования*. 2012. № 5. С. 385–391. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6955> (дата обращения: 15.08.2021).

19. Рожнов О. А. Оценка эффективности реализации молодежной политики // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право*. 2011. № 8 (103). С. 76–80. URL: https://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/ec2/p8o103d_vip_16.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

20. Андрушина Е. В., Панова Е. А. Влияние государственной политики на семейные стратегии студенческой молодежи // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2019. Т. 11, № 2. С. 200–219. doi: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-2-200-219>

21. Меркулов П. А. Государственная молодежная политика как инструмент в борьбе с экстремизмом // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10, № 4. С. 83–90. URL: https://orel.dev.ranepa.ru/upload/iblock/ab4/2015_04.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

22. Шаповалова И. С., Маликова Е. В. Реализация государственной молодежной политики в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6 (124). С. 22–26. doi: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.6.4>

23. Асеева Т. А., Папшкова Я. Ю. Оценка эффективности государственной молодежной политики и ее информационного компонента школьниками регионов Юго-Западной Сибири // SocioTime / Социальное время. 2020. № 1 (21). С. 66–76. doi: <https://doi.org/10.25686/2410-0773.2020.1.66>

24. Асташина Е. Е. Проектирование инструментальных средств для измерения эффективности государственной молодежной политики на территории г. о. Самара // Вестник Международного института рынка. 2016. № 2. С. 69–76. URL: https://www.imi-samara.ru/wp-content/uploads/2015/05/11_Astashina_69-76.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

25. Шиголакова Т. Б. Эффективность государственной молодежной политики в Республике Хакасия // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2016. Т. 16, № 1. С. 163–174. URL: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6533> (дата обращения: 15.08.2021).

26. Ярычев М. У. Анализ эффективности государственной молодежной политики // Евразийский научный журнал. 2016. № 3. С. 72–75. URL: <http://journalpro.ru/articles/analiz-effektivnosti-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki/> (дата обращения: 15.08.2021).

27. Страдзе А. Э. Социальная эффективность государственной молодежной политики и государственной социальной поддержки молодежи: синтез приоритетов и целей // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6, № 5. С. 63–72. doi: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.5.4>

28. Самохвалов Н. А. Федеральный закон «О государственной молодежной политике в Российской Федерации» как основополагающий фактор повышения эффективности реализации современной российской молодежной политики // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2014. № 4 (5). С. 34–37. URL: http://i-journal.net/jdoc/apc_5.pdf (дата обращения: 15.08.2021).

29. Ростовская Т. К. Принятие основ государственной молодежной политики 2025 года: фактор эволюционного развития в современной России // Государственный советник. 2014. № 4 (8). С. 93–96. URL: <https://gossovetnik.files.wordpress.com/2013/05/14-041.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).

30. Солодкая М. С. Замечания по проекту Федерального закона «О молодежи и государственной молодежной политике в Российской Федерации» // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 38. С. 61–66. URL: <http://www.oimsla.edu.ru/sites/default/files/vypusk38-1b.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).

Поступила 23.07.2021; одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 21.09.2021.

Об авторе:

Шаповалова Инна Сергеевна, заведующий кафедрой социологии и организации работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, д. 85), доктор социологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>, Scopus ID: 56728382600, Researcher ID: R-6955-2016, shapovalova@bsu.edu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Timóteo W., De Matos Oliveira I. The Absence of Public Policies for Youth as an Offense to Human Rights. *Revista Brasileira de Políticas Públicas*. 2021; 11(1):419-431. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.5102/RBPP.V11I1.6628>
2. Hlungwani P., Masuku S., Magidi M. Mainstreaming Youth Policy in Zimbabwe – What Role for Rural Youth? *Cogent Social Sciences*. 2021; 7(1). (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/23311886.2021.1893907>
3. Martínez-Reyes A., Navarro-Pérez J.J. Obstacles to Achieve the SDGs in El Salvador. Youth Policies, Young Gangs and NGOs: A Complex Analysis. *Iberoamerican Journal of Development Studies*. 2020; 9(1):28-51. (In Eng.) doi: https://doi.org/10.26754/OJS_RIED/IJDS.444
4. Snellinger A. From (Violent) Protest to Policy: Rearticulating Authority Through the National Youth Policy in Post-war Nepal. *Modern Asian Studies*. 2018; 52(3):1043-1075. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1017/S0026749X16000937>
5. Mertanen K., Pashby K., Brunila K. Governing of Young People ‘at risk’ with the Alliance of Employability and Precariousness in the EU Youth Policy Steering. *Policy Futures in Education*. 2020; 18(2):240-260. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/1478210319838666>
6. Rocha E., Costa J., Silva C.B.E., Posthuma A., Caruso L.A. Different Types of Vulnerabilities among Youth that Do Not Work or Study: What Public Policies are Suitable for this Group? *Novos Estudos CEBRAP*. 2020; 39(3):545-562. (In Portuguese, abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.25091/S01013300202000030005>
7. Haikkola L. Shaping Activation Policy at the Street Level: Governing Inactivity in Youth Employment Services. *Acta Sociologica*. 2019; 62(3):334-348. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/0001699318784341>
8. Hora O., Horáková M., Sirovátka T. Diversity of Youth Policy Regimes and Early Job Insecurity – Towards an Integrated Approach. In: Hvinden B., Hyggen C., Schoyen M.A., Sirovátka T., eds. *Youth Unemployment and Job Insecurity in Europe: Problems, Risk Factors and Policies*. 2019; p. 138-157. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.4337/9781788118897.00014>
9. Hueso A., Boni A., Belda-Miquel S. Perspectives and Policies on Disadvantaged Youth in Spain: An Analysis Using the Capability Approach. *Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas*. 2015; 152:47-64. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.5477/cis/reis.152.47>
10. Vidal S., Connell C. M., Prince D. M., Tebes J. K. Multisystem-Involved Youth: A Developmental Framework and Implications for Research, Policy, and Practice. *Adolescent Research Review*. 2019; 4:15-29. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s40894-018-0088-1>

11. Chalhi S., Koster M., Vermeulen J. Assembling the Irreconcilable: Youth Workers, Development Policies and 'High Risk' Boys in the Netherlands. *Ethnos*. 2018; 83(5):850-867. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1080/00141844.2017.1362452>

12. Davidson E., Carlin E. "Steeling" Young People: Resilience and Youth Policy in Scotland. *Social Policy and Society*. 2019; 18(3):479-489. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1017/S1474746419000095>

13. Mazzoni D., Cicognani E., Cifatte C., Zani B., Floresta L. Itallian Young People Through the Lens of Youth Policies. *Socialni Studia*. 2018; 15(2):75-96. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.5817/soc2018-2-75>

14. Nikiporets-Takigawa G. Youth and Youth Policy in the UK: Post-Brexit View. *Sovremennaya Evropa* = Contemporary Europe. 2018; (1):47-58. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15211/soveurope120184758>

15. Walther A., Lütkslit D.G., Loncle P., Pais A. Regimes of Youth Participation? Comparative Analysis of Youth Policies and Participation across European Cities. *Young*. 2021; 29(2):191-209. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/1103308820937550>

16. Jessee C., Moore A.M., Olenik C., Trevelline C.P., Taggart N. Listening to Youth Through 17 Cross-Sectoral Youth Assessments: Implications for Programming and Policy. *Journal of Youth Development*. 2021; 16(2-3):20-54. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.5195/JYD.2021.1046>

17. Krinitskiy A.Ya. Effectiveness of the State Youth Policy: The Problem of Choice and Measurability of Indicators. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika* = Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics. 2009; (2):24-28. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/effektivnost-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki-problema-vybora-i-izmeryaemosti-pokazateley> (accessed 15.08.2021). (In Russ.)

18. Krapivenskiy A.S., Karabanov S.N. The Problem of Defenition of Regional Youth Policy Targets. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* = Modern Problems of Science and Education. 2012; (5):385-391. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6955> (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Rozhnov O.A. Estimation of Efficiency of Realization of the Youth Policy and its Standard-Legal Maintenance. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* = Belgorod State University Scientific Bulletin Philosophy Sociology Law. 2011; (8):76-80. Available at: https://www.bsu.edu.ru/upload/iblock/ec2/p8o103d_vip_16.pdf (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

20. Andryushina E.V., Panova E.A. The Impact of State Policy on the Family Strategies of the Student Youth. *Ars Administrandi*. 2019; 11(2):200-219. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2019-2-200-219>

21. Merkulov P.A. State Youth Policy as a Tool in the Fight against Extremism. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* = Central Russian Journal of Social Sciences. 2015; 10(4):83-90. Available at: https://orel.dev.ranepa.ru/upload/iblock/ab4/2015_04.pdf (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

22. Shapovalova I.S., Malikova E.V. Implementation of the State Youth Policy in Russia: Regional Aspect. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* = Theory and Practice of Social Development. 2018; (6):22-26. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.6.4>

23. Aseeva T.A., Shashkova Ya. Yu. Evaluation of the Effectiveness of the State Youth Policy and its Information Component by Schoolchildren of the South-West Siberia Regions. *SocioTime*. 2020; (1):66-76. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.25686/2410-0773.2020.1.66>

24. Astashina E.E. Designing Tools for Effectiveness Measurement of State Youth Policy within the Territory of Samara City. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka*. = Bulletin of the International Market Institute. 2016; (2):69-76. Available at: https://www.imi-samara.ru/wp-content/uploads/2015/05/11_Astashina_69-76.pdf (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

25. Shigolakova T.B. Efficiency of the State Youth Policy in the Republic of Khakassia. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* = RUDN Journal of Sociology. 2016; 16(1):163-174. Available at: <http://journals.rudn.ru/sociology/article/view/6533> (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

26. Yarychev M.U. Analysis of the Effectiveness of the State Youth Policy. *Evrazijskij nauchnyj zhurnal* = Eurasian Scientific Journal. 2016; (3):72-75. Available at: <http://journalpro.ru/articles/analiz-effektivnosti-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politiki/> (accessed 15.08.2021). (In Russ.)

27. Stradze A.E. Social Effectiveness of State Youth Policy and State Social Support of Youth: the Synthesis of Priorities and Goals. *Gumanitarnij Yuga Rossii* = Humanities of the South of Russia. 2017; 6(5):63-72. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2017.5.4>

28. Samohvalov N.A. Federal Law “About the State Youth Policy in the Russian Federation” as the Fundamental Factor of Improving Efficiency of its Implementation. *Aktualnye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo* = Actual Issues of Modern Science and Society. 2014; (4):34-37. Available at: http://i-journal.net/jdoc/apc_5.pdf (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

29. Rostovskaia T.K. Adoption the State Youth Policy 2025: A Factor of Evolution in Modern Russia. *Gosudarstvennyj sovetnik* = The State Counsellor. 2014; (4):93-96. Available at: <https://gossovetnik.files.wordpress.com/2013/05/14-041.pdf> (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

30. Solodkaya M. Comments on the Draft of Federal Law Project “On Youth and State Youth Policy in Russian Federation”. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii* = Scientific Works of Orenburg Institute (Branch) of MSLA. 2019; (38):61-66. Available at: <http://www.oimsla.edu.ru/sites/default/files/vy-pusk38-1b.pdf> (accessed 15.08.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

Submitted 23.07.2021; approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication 21.09.2021.

About the author:

Inna S. Shapovalova, Head of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod 308015, Russian Federation), Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2855-8968>, Scopus ID: 56728382600, Researcher ID: R-6955-2016, shapovalova@bsu.edu.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.